

Научная статья

УДК 82.09 + 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-68-82>

<https://elibrary.ru/PUNIJG>

ПИСАТЕЛЬ И ЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬ: ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ И ОЛЕГ КОРОСТЕЛЕВ

© 2024 г. Т.Н. Красавченко

Аннотация: Феномен конгениальности писателя и его исследователя, мера их «соответствия», созвучия друг другу — важная культурологическая проблема, ибо речь идет о том, кто, когда и как сохраняет и толкует культурное наследие. История литературоведения свидетельствует: если у исследователя есть творческий «лирический нерв», реагирующий на то, что ему «сродно» в литературе, — это залог успешного результата. Такой творческий «лирический нерв» присутствует в исследованиях Олега Коростелева о творчестве Г. Адамовича. Коростелев проделал огромную работу — собрал и издал в России основной корпус сочинений Адамовича, т. е. вернул его на родину, ввел его творчество в обиход современной отечественной культуры и уже благодаря только этому вошел в историю российского литературоведения, хотя масштаб его исследований был неизмеримо больше.

Ключевые слова: русская культура, эмиграция первой волны, роль личности исследователя в сохранении культурного наследия.

Информация об авторе: Татьяна Николаевна Красавченко — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Нахимовский пр., д. 51/21, 117997 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/000-0001-5479-7957>

E-mail: tatianakras@mail.ru

Для цитирования: Красавченко Т.Н. Писатель и его исследователь: Георгий Адамович и Олег Коростелев // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев,

науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев.
С. 68–82. <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-68-82>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

WRITER AND HIS RESEARCHER: GEORGII ADAMOVICH AND OLEG KOROSTELEV

© 2024. Tatiana N. Krasavchenko

Abstract: The phenomenon of congeniality of a writer and his researcher, the extent to which they are right for each other is an important cultural problem since we are talking of who, when and how preserves and interprets cultural heritage. The history of literary studies proves that if a researcher has a creative “lyric nerve” which reacts to what is akin to him in literature — this is the key to a successful result. One can find such a creative “lyric nerve” in Oleg Korostelev’s research on Adamovich. Korostelev did a great job — he collected and published the main body of Adamovich’s works in Russia, i.e., he returned Adamovich to his homeland, introduced his writings into circulation of the contemporary Russian culture and thanks to this alone Korostelev remains in the history of Russian literary criticism, though the scale of his research was immeasurably greater.

Keywords: Russian culture, emigrants of the first wave, the role of personality in preservation of cultural heritage.

Information about the author: Tatiana N. Krasavchenko, DSc in Philology, Chief Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences (ISISS) of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky av. 51/21, 117997 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/000-0001-5479-7957>
E-mail: tatianakras@mail.ru

For citation: Krasavchenko, T.N. “Writer and His Researcher: Georgii Adamovich and Oleg Korostelev.” *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev,

ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schrub, manag. ed. M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 68–82. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-68-82>

Сюжет об Адамовиче и Коростелеве — это очень интересный, полный глубокого смысла сюжет о пересечении творческих судеб, казалось бы, совершенно различных людей, но сложилось так, что теперь в истории российской культуры их имена неразлучны.

Итак, с одной стороны, Георгий Викторович Адамович (07(19).04.1892, Москва – 21.02.1972, Ницца), поэт, критик, переводчик, родился в Москве в привилегированной семье воинского начальника, позднее генерал-майора, окончил петербургскую гимназию и историко-филологический факультет Петербургского университета (1910–1917), выходец из Серебряного века, акмеист, с 1923 г. эмигрант, живший в Париже, Ницце, в Манчестере, ведущий литературный критик русской эмиграции «первой волны», «не только русский, но еще и европеец» [15, с. 8].

С другой стороны, Олег Анатольевич Коростелев (11.01.1959 – 20.03.2020), человек «ломоносовской породы», вышедший из сибирской глубинки, родившийся в семье горного инженера в кузбасском шахтерском городке Прокопьевске, Кемеровской области.

В «Комментариях» Адамович с грустью, а может быть, и с отчаянием писал: «Нет, нам лично уже не дожидаться великого русского примирения и просветления после великого русского безумия. Нам лично уже “все равно”» [9, с. 211]. Но уже само размышление о «великом русском примирении и просветлении...», пусть и казавшемся совершенно нереальным, свидетельствовало о том, что ему далеко не «все равно». С марта 1936 по август 1939 г. Адамович вел в газете «Последние новости» рубрику «Литература в СССР»: он внимательно следил за происходящим в стране, чтобы не пропустить ростки того, что «вновь сделает советского человека русским, а беллетристику из идеологии вновь превратит в литературу» [1, с. 23–24], т. е. он не терял надежду на то, что Россия вернется на круги своя. И его надежды оказались не напрасными. Как только в СССР не стало власти, оказывавшей силовое идеологическое давление на народ, тут же появились и люди, жаждавшие возвращения «изгнанной культуры». Был среди них и Олег Коростелев. Как произошла его «встреча» с Адамовичем?

Олег, по его собственному признанию, научился читать, когда ему было четыре года, и все детство он «провел за книгами, у родителей была большая библиотека» [10, с. 437]; существенно и то, что его мама была по одному из образований филологом, хотя в силу обстоятельств ей, как и отцу, пришлось работать на шахте [13, с. 9, 13]. Несомненно, литература изначально многое значила для Олега. Но, видимо, в тех условиях профессия филолога (и это доказала судьба его мамы) казалась непрактичной, ненадежной, и, закончив в 1976 г. прокопьевскую среднюю школу — 17 лет отроду, — Олег уехал из родительского дома и поступил в Новосибирский педагогический институт. Ему казалось тогда, что он уже «перечитал все, что было можно», и он «заинтересовался тем, что было нельзя, — самиздатом и тамиздатом» [10, с. 437], стал собирать свою библиотеку и нередко на черном книжном рынке покупал книги, в т. ч. — Ходасевича и Мережковского [13, с. 13].

Закончив институт, он получил профессию химика-биолога, но очень скоро понял, что у него другое призвание — в 1982 г. переключился на журналистику и стал зарабатывать на жизнь, печатаясь в заводских многотиражках, в новосибирских газетах «Советская Сибирь», «Молодость Сибири» и особенно ценил свои литературно-критические публикации в издающемся с 1922 г. журнале «Сибирские огни» [13, с. 9]. Примечательно, что его первая литературно-критическая статья называлась «Образ интеллигента в современной прозе» (видимо, проблема «интеллигенции» его трогала).

И тут открылась уникальная возможность: в литературной студии при новосибирском Союзе писателей он увидел объявление о наборе литературных критиков на Высшие литературные курсы в Москве. Обычно туда принимали поэтов, прозаиков, драматургов, но в 1987 г. известный литературный критик Владимир Иванович Гусев набирал именно критиков. Олег послал в Москву свои публикации — удача сопутствовала ему: его приняли. Так напоследок удачно сработал советский социальный лифт.

В советском обществе все было строго регламентировано. Литература Русского зарубежья находилась в спецхране. С этим феноменом Коростелев познакомился еще в Новосибирске, где, составляя для себя список нобелевских лауреатов, заметил пропуск в 1970 г. (тогда премию получил запрещенный в СССР Солженицын), пошел со своими вопросами в самую крупную за Уралом научно-техническую библиотеку, и его направили в спецхран. В Москве уже как слушатель Высших литературных курсов, затем как аспирант и преподаватель Литературного института он стал постоянным читателем Ленинской

библиотеки, в т. ч. и спецхрана. Там он читал все подряд: эмигрантские книги и периодику, Бердяева, Шестова... И тогда, как он сам заметил, «я окончательно понял, что редкие попадавшие мне в руки эмигрантские издания — капля в море, а русское зарубежье — огромный мир», «важная часть русской литературы», без которой ее не «понять во всей полноте»; в русской эмиграции 1920–1930 г. он увидел «государство без территории, со своим самоуправлением, языком, литературой» [10, с. 438]. Тогда же он открыл для себя уникальный и авторитетный исторический альманах «Минувшее» (1986–1999). Его главным редактором был историк, публицист, издатель Владимир Аллой (1945–2001), с которым Коростелев позже познакомился лично и начал печататься в «Минувшем», что сразу создало ему научную репутацию или, по меньшей мере, укрепило ее. Вскоре, после трагической смерти Аллой, Коростелев стал ответственным редактором (со 2 выпуска) альманаха «Дiaspora: Новые материалы» (2001–2007, всего 9 выпусков), масштабного, академического, историко-архивного проекта, посвященного целиком эмигрантике.

Настоящая «встреча» с Адамовичем состоялась у Коростелева, когда он поступил в аспирантуру Литературного института им. А.М. Горького и четыре года (1989–1993) работал над кандидатской диссертацией «Поэзия Георгия Адамовича», параллельно подготовил и читал в Литературном институте, вероятно, первый в стране спецкурс, а потом и более объемный общий курс по истории эмигрантской литературы [12]; в 1995 г., уже вполне зрелым ученым — ему было 36 лет — он защитил диссертацию. По сути Адамович ввел Коростелева в эмигрантику, открыл двери в *другой* — большой мир, возможно даже поначалу «ослепил» своей блестящей биографией, знанием языков, чувством себя как дома везде — в Париже, Ницце, Англии, а своей изысканностью, элегантностью задал ему даже личный «стилистический модус». Все мы помним Олега в его светлых элегантных костюмах в стиле Адамовича.

Очевидно, что Коростелев обратил внимание на то, что Адамович за свою жизнь написал всего около 100 стихотворений и критика у него явно возобладали над поэзией — налицо были признаки того, что называется «кризисом творчества». Олег сознавал, что «два десятка стихотворений Адамовича могут войти в любую антологию», но в истории литературы он останется прежде всего как литературный критик, эссеист и «вдохновитель “парижской ноты”» [10, с. 446]. А именно в критике и литературно-философской эссеистике, т. е. в non-fiction, Коростелев, вслед за Г. Струве, видел уникальное достижение эмигрантской литературы. По признанию Оле-

га, Адамович стал для него главным автором, *его* автором, главной темой [13, с. 16]. Статья «Критическая проза Георгия Адамовича» в журнале «Литературная учеба» в 1991 г. — одна из его первых знаменательных научных публикаций [4], и первая книга, составителем которой он стал, сопроводив ее вступительной статьей и примечаниями, была «Критическая проза» Адамовича, вышедшая в 1996 г. в издательстве Литературного института (см. Приложение).

Думаю, у Коростелева быстро определилось его кредо исследователя Русского зарубежья: «сначала *тексты*», возвращение их в обиход культуры, потом «рефлексия». Даже в 2020 г. он считал, что для создания общей истории русской литературы XX в. или хотя бы истории эмигрантской литературы, автономной, независимой от литературы в метрополии, «не хватает материала» [10, с. 438], «стадия первичного накопления фактического материала все еще не закончена», не собраны в полной мере работы даже наиболее интересных и значительных эмигрантских критиков: П.М. Бицилли, В.В. Вейдле, Г.П. Струве, Д.В. Филоsoфова, Б.Ф. Шлёцера, А.Я. Левинсона, большинство из них даже библиографий не имеет [10, с. 440].

Но в центре его внимания находился Адамович. Первое собрание его сочинений Коростелев подготовил для петербургского издательства «Алетейя», в 1998–2018 г. вышло 5 томов (9 книг; см. Приложение). Тома выходили нерегулярно и не на всех из них указано, что это собрание сочинений (возможно, у издателей были какие-то свои соображения), но все книги по единому формату и художественному оформлению являли собой собрание сочинений, дающее представление о формировании литературной репутации Адамовича и его литературно-критической эволюции. Работа была проделана огромная. Во втором томе впервые были собраны «Литературные беседы», которые Адамович публиковал в еженедельной газете (1923–1925), затем еженедельном литературном (1925–1927) и ежемесячном (1927–1928) журнале «Звено». Коростелев отвел «Литературным беседам» отдельный том, так как эти публикации сыграли решающую роль в судьбе Адамовича. Именно на страницах «Звена», пишет ученый, «молодой и в общем-то ничем не примечательный петербургский поэт, один из многочисленных учеников Гумилева, превратился в “первого критика эмиграции”, по определению Георгия Иванова [11, с. 180]. Последующие публикации в “Последних новостях” (1928–1940) и “Числах” (1930–1934), окончательно закрепившие за Адамовичем этот титул, — уже публикации зрелого человека, сформировавшегося мастера. В жанре критики Адамовичу случалось выступать и раньше, начиная с 1915 г. После расстре-

ла Гумилева он был уже главным критиком петербургского Цеха поэтов, так что, например, третий, последний в России, альманах Цеха поэтов почти наполовину состоял из его статей и рецензий. Но по большому счету, все это было только пробой пера. В «Звене» Адамович развернулся уже по-настоящему» [8, с. 5]. В газету «Последние новости» Адамович пришел уже признанным критиком и опубликовал в ней около 2400 литературно-критических текстов. Значительная часть их впервые представлена под одной обложкой в томе «Литературные заметки: «Последние новости»», вышедшем в четырех книгах (см. Приложение). Можно представить себе, какую огромную работу проделал О. Коростелев как составитель, отбировавший, сверявший, комментировавший тексты. Он постарался сохранить «общий ход рассуждений духовного лидера «парижской ноты» в том виде и в той последовательности, как его воспринимала эмигрантская читающая публика» [1, с. 10–11]. В предисловии «Георгий Адамович в газете Милюкова «Последние новости»» он заметил, что критик создавал «панораму мировой культуры, откликаясь на все сколько-нибудь любопытные явления <...> на протяжении полутора десятилетий» [1, с. 3–6]. При этом ученый трезво оценивал публикации Адамовича и ясно видел, что, в отличие от «Литературных бесед», публиковавшихся в «Звене», «Литературные заметки» в «Последних новостях» были разностильными и разножанровыми: наряду с глубокими статьями встречалось немало ознакомительных обзоров и даже просто пересказов советских повестей и романов.

В собрание сочинений вошла книга Адамовича — «Одиночество и свобода». В послесловии Коростелев рассказал о замысле критика и истории издания этой книги, впервые вышедшей в 1955 г. в Нью-Йорке в издательстве им. Чехова. В нее Адамович включил как вновь написанные, так и заново отредактированные статьи, публиковавшиеся в эмигрантских газетах и журналах («Последние новости», «Современные записки», а также «Новое русское слово» и др.). Далеко не все статьи этой «наспех написанной», мозаичной книги удовлетворяли Адамовича, признавшего ее в письме Игорю Чиннову от 1 января 1956 г. лишь наполовину «своей» [7, с. 321]. Но и в таком виде, замечает О. Коростелев в послесловии, «сборник статей Адамовича был воспринят как одна из нескольких книг, подводивших литературные итоги первой волны (наравне с книгами Г. Струве, В. Варшавского). Все они вышли почти одновременно и широко обсуждались в эмиграции всю вторую половину пятидесятых годов, вызвав наиболее интересные и существенные полемики, задав тон и уровень разговора и в большой мере определив после-

военную литературную ситуацию» [7, с. 322]. В приложении ученый опубликовал 25 сохранившихся в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк) писем (1952–1955) Адамовича редакторам издательства им. Чехова Вере Александровой и Татьяне Терентьевой.

Том «Комментарии», по определению О. Коростелева, — «вершина эссеистической прозы Адамовича и одна из лучших русских книг этого жанра, написанных в XX в. Адамович писал ее всю жизнь, то и дело возвращаясь к собственным рассуждениям, стремясь высказаться наиболее точно и полно, переделывая, переписывая, повторяясь и противореча себе, по многу раз на разном материале подходя к одним и тем же, главным для него мыслям» [3, с. 593]. «И главная тема “Комментариев” — почему к ним так и тянулась молодежь, — не как надо и как не надо писать, а как жить и писать, и стоит ли вообще это делать, если это никому не нужно, да и нет полной уверенности, что нужно самому себе. Одно из немногих твердых убеждений вечно во всем сомневающегося Адамовича — стоит, вопреки всему, в том числе и очевидной ненужности. Стоит, если относиться к слову всерьез и быть до конца искренним с самим собой» [3, с. 602]. «И мировоззрение это оказалось наиболее актуальным и литературной молодежью наиболее востребованным из всего спектра эмигрантских настроений, идеологий и веяний» [3, с. 602]. Можно без преувеличения сказать, — развивает свою мысль исследователь, — что многие поэты и писатели младшего поколения «думали по Адамовичу, проверяя свои мысли и свое мироощущение по “Комментариям”. <...> По крайней мере, серьезность, “негромкость” и недоверие к высокопарным словам молодая литература эмиграции усвоила крепко» [3, с. 603]. В «Комментариях», прежде публиковавшихся в берлинском номере альманаха «Цех поэтов», в «Числах», «Круге», в «Современных записках», «Новоселье», «Опытах», в «Новом журнале», порой под разными заголовками («Из записных книжек», «Оправдание черновики», «Послесловие») «Адамович — по словам О. Коростелева — нашел форму, позволяющую ему говорить о самом главном, отталкиваясь от любого факта, явления или мысли, <...> — форму фрагмента (отрывка, куска, наброска, главки, — назвать можно как угодно, сам Адамович в предисловии употребил слово “заметка”, но “фрагмент”, кажется, все же точнее). Небольшой объем фрагмента — от двух-трех абзацев до двух-трех страниц — позволял Адамовичу изложить мысль, пока она не “остыла”, и оборвать изложение в том месте, где противоречия, ее породившие, еще не уравнились и не заставили отложить

перо <...>. В большинстве фрагментов “Комментариев” уже ничего нельзя выбросить, это чистая мысль о “самом важном” в данный момент, отталкивающаяся от какого-либо объекта размышления, чаще всего литературного, и взмывающая вверх, причем анализ объекта, обдумывание остается за пределами фрагмента, а читателю выдается уже эссенция, выжимка, сгусток мысли, оформленный таким образом, что в изяществе стиля сняты или хотя бы примирены уже противоречия этого объекта» [3, с. 599], Адамович стремился к «“моментальной фотографии мысли”, т. е. мысли, захваченной врасплох, при самом своем рождении или движении, в развитии...» [3, с. 600]. И Адамович «именно после первых порций “Комментариев” в “Числах” превратился в глазах эмигрантской элиты из бойкого газетного критика в нечто большее, уже серьезное» [3, с. 595]. Для книги, вышедшей в 1967 г. в Вашингтоне, Адамович отобрал восемьдесят три фрагмента и добавил три близкие по духу и стилистике статьи: «Наследство Блока», «Поэзия в эмиграции» и «Невозможность поэзии». Коростелев, помимо канонического текста, сопровождаемого примечаниями фактологического характера, включил в книгу «Дополнения», куда вошли все двести двадцать четыре фрагмента «Комментариев» в том виде и хронологии, как они появлялись в эмигрантской периодике, и привел также отклики и полемические возражения в эмигрантской печати, прокомментировал фрагменты, не включенные Адамовичем в книгу, и реалии, изъятые из книжной редакции, а в библиографическом указателе выявил соотношение первопубликаций фрагментов с книжной редакцией. «Комментарии» стали «литературным завещанием» Адамовича [3, с. 606].

В 2000 г. в Доме-музее М. Цветаевой Коростелев издал книгу текстов: «Марина Цветаева — Георгий Адамович: Хроника противостояния», в которой Адамович, последователь поэтики акмеизма, «неоклассицист», вписывавшийся в русло европейского неоклассицизма, противостоял «неоромантику» Цветаевой [см.: 2]. В 2005 г. в петербургском издательстве «Академический проект» вышло подготовленное Коростелевым комментированное «Полное собрание стихотворений» Адамовича. Следующий шаг — «Библиографический указатель работ о жизни и творчестве Адамовича (1916–2010) в Ежегоднике Дома русского зарубежья в 2012 г.

В 2013 г. Коростелев опубликовал книгу «От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья» [5], в которой весьма выразительны композиция и названия разделов: «Георгий Адамович» (первый раздел), «...и другие» (второй раздел), «прочее» (третий).

С 2015 г. в московском издательстве Дмитрия Сечина начало выходить задуманное Коростелевым восемнадцатитомное собрание сочинений Адамовича. В отличие от Г. Струве, полагавшего, что Адамович «не принадлежит к тем критикам, писания которых выигрывают от объединения под одной обложкой» [14, с. 372–373], Коростелев исходил из того, что собранные вместе сочинения Адамовича предстают как цельное произведение, воссоздающее панораму русской литературы «по обе стороны», да к тому же не только литературы, они воссоздают портрет эпохи, вероятно, ныне не менее интересный, чем для современников критика.

Конечно, поражает «величие замысла» Коростелева, прекрасно понимавшего, сколь сложна и объемна проблема научного издания наследия Адамовича. В новое собрание сочинений должны были войти не только уже представленные в первом, «пробном» собрании сочинений — стихи Адамовича, его книги «Одиночество и свобода», «Комментарии», публикации в «Звене», «Последних новостях», но и его тексты из «Иллюстрированной России», «Нового русского слова», «Русской мысли», журналов «Современные записки», «Числа», «Встречи», «Новая Россия», «Сатирикон», «Русские записки», «Новоселье», «Опыты», «Новый журнал», «Мосты», «Воздушные пути», «Вестник РХД», из альманахов, сборников, его рецензии и заметки о кино, предисловия (от сборников стихов З. Шаховской, П. Бобринского до книг Камю, Кафки), «заметки по конкретному поводу» (поводом могла быть статья Л. Шестова или выход собрания сочинений Мандельштама). Некоторые из статей (в т. ч. такие программные, как «Наследство Блока», «Поэзия в эмиграции» и «Невозможность поэзии») вошли в книги Адамовича «почти без изменений» [6, с. 9–10] — там они и останутся. Но несколько статей, материалы которых критик использовал в книге «Одиночество и свобода», радикально переработав, Коростелев включил в первоначальном виде в запланированный им шестой том: «От Ахматовой до Кафки: Статьи и рецензии 1915–1971».

Ныне изданы первый, второй, одиннадцатый и четырнадцатый тома (см. Приложение). Пожалуй, можно признать, что Коростелев ввел «основного Адамовича» в российский литературный обиход; и первое собрание сочинений в «Алетейе», и четыре тома у «Дмитрия Сечина» дают масштабное представление о «первом критике русской эмиграции», но для максималиста, которым Олег был во всем, что касалось эмигрантики, конечно, это недостаточно, потому что все-таки не полно, не исчерпывающе.

Вероятно, на первых порах Адамович был для Коростелева фигурой мифологической. Русские эмигранты первой волны в совет-

ское время, да и в первые постсоветские годы были окутаны для нас, жителей метрополии, романтической дымкой — они обитали в другом, свободном мире, могли говорить и писать, что хотят, они «унесли с собой Россию» и там на иной почве сохранили язык и создали уникальную культуру. Изучение эмигрантской литературы было для Олега, как и для многих из нас, не просто профессиональным занятием, а личным переживанием. Само освоение материка эмигрантской культуры, эта состоявшаяся в виртуальном культурном пространстве и продолжающаяся встреча тех, кто возвращался, и тех, кто их возвращал, то, как это происходило и происходит, — конечно, особый культурологический феномен.

Я познакомилась с Олегом где-то в начале 1990-х и из разговоров с ним поняла, что он не просто изучал мир русской эмиграции, он *жил* его жизнью, ему были интересны не только тексты и идеи, но и *живые* отношения между эмигрантами, конфликты, разногласия, дружбы, ссоры, кто что сказал. И тут Адамович был, конечно, кладезь — он вел его по этому миру в своей критике, переписке... Коростелеву импонировал стиль Адамовича, его манера письма, лаконичного, но емкого; его по-розановски свободный, словно небрежный разговор с читателем, намеки, недоговоренности, его роль вдохновителя «Парижской ноты», его убеждение (вслед за Бергсоном) в том, что целое надо постигать непосредственно, а определять терминами — «значит убивать и препарировать» [1, с. 15]. Такой «ненаукообразный» тип критики был близок Коростелеву.

Со временем ученый, конечно, реально представлял себе Адамовича как очень «разного» критика, тем более, что тот и сам «относился к своим публикациям по-разному: к одним подходил с предельной ответственностью и серьезностью (прежде всего это стихи, «Комментарии», некоторые журнальные статьи, а также главные рубрики “Звена” и “Последних новостей”, другие писал спустя рукава, отчаянно халтурил или вымучивал ради денег, жалуясь друзьям на тяготы журналистской лямки» [6, с. 8]. Из обилия публикаций Коростелев отобрал для второго собрания сочинений Адамовича то, что имеет первостепенное историко-литературное значение. За пределами остались «необязательная» журналистика и большинство радиоскриптов. Материал в восемнадцатитомнике разбит на тома по хронологически-жанровому признаку. Олег надеялся также на издание дополнительных томов-сателлитов с библиографией публикаций Адамовича и публикаций о нем, а также летописью его жизни и творчества. Что будет теперь с этим собранием сочинений,

в основном систематизированным, но требующим еще большой работы — подготовки текстов, примечаний, указателей?!

Подводя итоги, замечу, что «творческий дуэт» Коростелев — Адамович оказался «неслучайным», органичным. Коростелев как исследователь нашел себя в Адамовиче, а Адамович как автор нашел себя в Коростелеве.

Конечно, масштаб исследований Олега Коростелева был, как мы знаем, неизмеримо больше. Он работал как публикатор, комментатор, систематизатор, интерпретатор, для него не было «черной» или «второстепенной» работы, когда речь шла о русской эмиграции. Он уделял много времени не только изданию текстов, собраний сочинений, но и составлению библиографий, росписи периодики. Он понимал, что это базис, без которого невозможно восстановить всю картину, а он хотел восстановить все и переживал из-за того, что довольно многие архивы журналов, газет утрачены, и в силу независящих от него причин, полная картина не складывается [10; 13]. У него явно была сверхзадача, хотя со свойственным ему юмором и столь поощряемой его «мэтром» Г.В. Адамовичем несклонностью к велеречивости, он прямо ее не формулировал, но ее объемные контуры проступают в его исследованиях и интервью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Коростелев О.А.* Георгий Адамович в газете Милюкова «Последние новости» // *Адамович Г.В.* Собр. соч. Литературные заметки / под. ред. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931) / предисл., подгот. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. С. 5–26.
2. *Коростелев О.А.* Два полюса одной литературы // *Марина Цветаева — Георгий Адамович: Хроника противостояния* / предисл., сост., примеч. О.А. Коростелева. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. С. 3–12.
3. *Коростелев О.А.* Комментарии к «Комментариям» // *Адамович Г.В.* Комментарии / сост., послесл., примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2000. С. 593–606.
4. *Коростелев О.А.* Критическая проза Георгия Адамовича // *Литературная учеба.* 1991. № 1. С. 138–148.

5. Коростелев О.А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова: Изд. дом «Галина скрипит», 2013. 492 с.
6. Коростелев О.А. От составителя // Адамович Г.В. Собр. соч.: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2015. Т. 1: Стихи, проза, переводы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. О.А. Коростелева. С. 5–11.
7. Коростелев О.А. Подведение итогов (книга Адамовича «Одиночество и свобода» в его переписке с друзьями) // Адамович Г.В. Одиночество и свобода / сост., послесл., примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. С. 309–322.
8. Коростелев О.А. Подчиняясь не логике, но истине... («Литературные беседы» Георгия Адамовича в «Звене») // Адамович Г.В. Собр. соч.: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2015. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928) / вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. О.А. Коростелева. С. 5–18.

Источники

9. Адамович Г.В. Комментарии / сост., послесл., примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2000. 757 с.
10. Ван Шиюй. Интервью с Олегом Коростелевым // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 437–447.
11. Иванов Г. Конец Адамовича // Возрождение. 1950. Сентябрь–Октябрь. № 11. С. 179–186.
12. Коростелев О.А. Итоги двух десятилетий: [12 февраля 2013 г.] // Московский книжный журнал. 2013. 29 мая. URL: <https://morebook.ru/tema/segodnja/item/1369812379354#gsc.tab=0> (дата обращения: 20.09.2022).
13. Неумомимый: Олег Коростелев и его первая книга [Интервью Ивана Толстого] // Emigrantica et cetera. К 60-летию Олега Коростелева / ред-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М.: Дмитрий Сечин, 2019. С. 5–24.
14. Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press, 1984. С. 372–373.
15. Терапиано Ю. «Единство» // Русская мысль. Париж, 1967. 28 сент. № 2654. С. 8–9.

REFERENCES

1. Korostelev, O.A. "Georgii Adamovich v gazete Miliukova 'Poslednie novosti'" ["Georgii Adamovich in Miliukov's Newspaper 'Latest News'"]. Adamovich, G.V. *Sobranie sochinenii. Literaturnye zametki* [Collected Works. Literary Notes], book 1: "Poslednie novosti" 1928–1931 ["Last News" 1928–1931], ed. by O.A. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2002, pp. 5–26. (In Russian)
2. Korostelev, O.A. "Dva poliusa odnoi literatury" ["Two Poles of One Literature"]. Marina Tsvetaeva — Georgii Adamovich: *Khronika protivostoianiia* [Marina Tsvetaeva — Georgii Adamovich: The Chronicle of Confrontation], ed. by O.A. Korostelev. Moscow, House-museum of Marina Tsvetaeva Publ., 2000, pp. 3–12. (In Russian)
3. Korostelev, O.A. "Kommentarii k 'Kommentariiam'" ["Comments on 'Comments'"]. Adamovich, G.V. *Kommentarii* [Commentaries], ed. by O.A. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2000, pp. 593–606. (In Russian)
4. Korostelev, O.A. "Kriticheskaia proza Georgiia Adamovicha" ["Critical Prose of Georgii Adamovich"]. *Literaturnaia ucheba*, no. 1, 1991, pp. 138–148. (In Russian)
5. Korostelev, O.A. *Ot Adamovicha do Tsvetaevoi: Literatura, kritika, pechat' Russkogo zarubezh'ia* [From Adamovich to Tsvetaeva: Literature, Criticism, Press of the Russian Diaspora]. St. Petersburg, Izdatel'stvo imeni N.I. Novikova Publ., Galina skripsit Publ., 2013. 492 p. (In Russian)
6. Korostelev, O.A. "Ot sostavitelia" ["From the Compiler"]. Adamovich, G.V. *Sobranie sochinenii: v 18 t.* [Collected Works: in 18 vols.], ed. by O.A. Korostelev, vol. 1: *Stikhi, proza, perevody* [Poems, Prose, Translations]. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2015, pp. 5–11. (In Russian)
7. Korostelev, O.A. "Podvedenie itogov (kniga Adamovicha 'Oдиночество i svoboda' v ego perepiske s druž'iami)" ["Summing up (Adamovich's Book 'Loneliness and Freedom' in His Correspondence with Friends)"]. Adamovich, G.V. *Oдиночество i svoboda* [Loneliness and Freedom], ed. by O.A. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2002, pp. 309–322. (In Russian)
8. Korostelev, O.A. "Podchiniaias' ne logike, no istine... ('Literaturnye besedy' Georgiia Adamovicha v 'Zveno')'" ["Submitting not to Logic, but to the Truth... ('Literary Conversations' by Georgii Adamovich in the 'Link')"]. Adamovich, G.V. *Sobranie sochinenii: v 18 t.* [Collected Works: in 18 vols.], ed. by O.A. Korostelev, vol. 2: *Literaturnye besedy ('Zveno': 1923–1928)* [Literary Conversations ('Link': 1923–1928)]. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2015, pp. 5–18. (In Russian)

Приложение ¹

1. Адамович Г.В. Критическая проза / вступ. ст., сост., примеч. О. Коростелева. М.: Изд-во Литературного ин-та, 1996. 384 с.
2. Адамович Г.В. Собр. соч. Литературные беседы: «Звено» (1923–1928): в 2 кн. / вступ. ст., сост., примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1998. 575 с. + 510 с.
3. Адамович Г.В. Собр. соч. Стихи, проза, переводы / вступ. ст., сост., примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1999. 560 с.
4. Адамович Г.В. Комментарии / сост., послесл., примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2000. 757 с.
5. Адамович Г.В. Собр. соч. Одиночество и свобода / сост., послесл., примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. 476 с.
6. Адамович Г.В. Собр. соч. Литературные заметки. СПб.: Алетейя, 2002. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931) / предисл., подгот. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. 786 с.
7. Адамович Г.В. Собр. соч. Литературные заметки. СПб.: Алетейя, 2007. Кн. 2 («Последние новости» 1932–1933) / подгот. текста, сост., примеч. О.А. Коростелева. 512 с.
8. Адамович Г.В. Собр. соч. Литературные заметки. СПб.: Алетейя, 2015. Кн. 3 («Последние новости» 1934–1935) / подгот. текста, сост., примеч. О.А. Коростелева. 606 с.
9. Адамович Г.В. Собр. соч. Литературные заметки. СПб.: Алетейя, 2018. Кн. 4 («Последние новости» 1936–1940) / подгот. текста, сост., примеч. О.А. Коростелева. 1380 с.
10. Адамович Г.В. Собр. соч.: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2015. Т. 1: Стихи, проза, переводы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. О.А. Коростелева. 640 с.
11. Адамович Г.В. Собр. соч.: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2015. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928) / вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. О.А. Коростелева. 784 с.
12. Адамович Г.В. Собр. соч.: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2016. Т. 14: Комментарии (1967). Эссеистика 1923–1971 / сост., подгот. текста, послесл. и примеч. О.А. Коростелева. 624 с.
13. Адамович Г.В. Собр. соч.: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2018. Т. 11: Литература и жизнь («Русская мысль»: 1955–1972) / сост., вступ. ст., примеч. Т. Климова, О. Коростелев, С. Федякин. 683 с.

Дата поступления статьи: 10 сентября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 28 марта 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: September 10, 2021

Approved: March 28, 2022

Date of publication: October 07, 2024

¹ Приводим в хронологическом порядке опубликованные О.А. Коростелевым тексты Г.В. Адамовича.